

ЮРИЙ ЛОТМАН

БЕСЕДЫ О РУССКОЙ Культуре

БЫТ И ТРАДИЦИИ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
(XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)



МОСКВА 2022

Введение

Быт и культура

П



освятив беседы русскому быту и культуре XVIII — начала XIX столетия, мы прежде всего должны определить значение понятий «быт», «культура», «русская культура XVIII — начала XIX столетия» и их отношения между собой. При этом оговоримся, что понятие «культура», принадлежащее к наиболее фундаментальным в цикле наук о человеке, само может стать предметом отдельной монографии и неоднократно им становилось. Было бы странно, если бы мы в предлагаемой книге задалась целью решать спорные вопросы, связанные с этим понятием. Оно очень емкое: включает в себя и нравственность, и весь круг идей, и творчество человека, и многое другое. Для нас будет вполне достаточно ограничиться той стороной понятия «культура», которая необходима для освещения нашей сравнительно узкой темы.

Культура, прежде всего, — *понятие коллективное*. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное*.

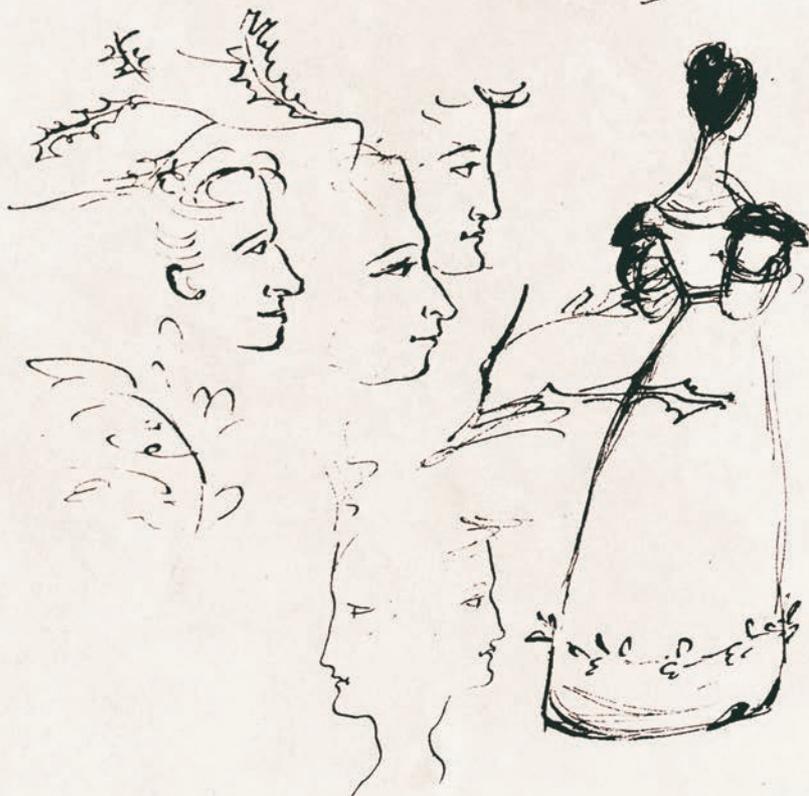
* В отдельных позициях, всегда являющихся исключением из правила, можно говорить о культуре одного человека. Но тогда следует уточнить, что мы имеем дело с коллективом, состоящим из одной личности. Уже то, что эта личность неизбежно будет пользоваться языком, выступая одновременно как говорящий и слушающий, ставит ее в позицию коллектива. Так, например, романтики часто говорили о предельной индивидуальности своей культуры, о том, что в создаваемых ими текстах сам автор является, в идеале, единственным своим слушателем (читателем). Однако и в этой ситуации роли говорящего и слушающего связывающий их язык не уничтожаются, а как бы переносятся внутрь отдельной личности: «В уме своем я создал мир иной // И образов иных существовань» (Лермонтов М. Ю. Соч. в 6 т. М.; Л., 1954, т. 1, с. 34).

Цитаты приводятся по изданиям, имеющимся в библиотеке автора, с сохранением орфографии и пунктуации источника.

~~Каранцисси~~
~~Поласисси~~
~~Шемин~~
~~Гела~~



Каранцисси
Поласисси
Шемин
Гела





Часнь первая



Часть первая Люди и чины

И



зучаемая нами эпоха — век перелома. Это хорошо видно и в истории дворянства. Русское дворянство, каким мы его встречаем в XVIII — первой половине XIX века, было порождением Петровской реформы. Среди разнообразных последствий реформ Петра I создание дворянства в функции государственно и культурно доминирующего сословия занимает не последнее место. Материалом, из которого это сословие составилось, было допетровское дворянство Московской Руси.

Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», то есть состояло из профессиональных слуг государства, главным образом военных. Их ратный труд оплачивался тем, что за службу их «помещали» на землю, иначе — «верстали» деревнями и крестьянами. Но ни то ни другое не было их личной и наследственной собственностью. Переставая служить, дворянин должен был вернуть пожалованные ему земли в казну. Если он «уходил за ранами или увечьем», в службу должен был пойти его сын или муж дочери; если он оказывался убит, вдова через определенный срок должна была выйти замуж за человека, способного «тянуть службу», или поставить сына. Земля должна была служить. Правда, за особые заслуги ее могли пожаловать в наследственное владение, и тогда «воинник» становился «вотчинником».

Между «воинником» и «вотчинником» существовало глубокое не только социальное, но и психологическое различие. Для вотчинника война, боевая служба государству была чрезвычайным и далеко не желательным происшествием, для воинника — повседневной службой. Вотчинник-боярин служил великому князю и мог погибнуть на этой службе, но





Колло М.-А. Петр I.
Бронза, литье. XVIII в.
Собрание Государственного Эрмитажа

к упрощенному взгляду, согласно которому взрывы классовой борьбы всегда соответствуют интересам низших классов, а выражение «крестьянская война» воспринимается как обозначение такой войны, которая отвечает интересам всего крестьянства и в которой крестьянство почти поголовно участвует. При этом мы забываем слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный». Уже смута с ее бесчинствами, которые творили не только интервенты, но и многочисленные вооруженные банды «гулящих людей», причинила сельскому населению России неизмеримые страдания. Опустошенные и разграбленные села, крестьянские избы, забитые трупами, голод, бегство населения — такая картина возникает из документов. Мятежи и бунты вызывали неслыханную вспышку разбойничества. Наивная идеализация — видеть в этих разбойниках Робинов Гудов или Карлов Мооров, защитников эксплуатируемых, обрушивших весь свой классовый гнев на угнетателей народа. Основной жертвой их делался беззащитный крестьянин:

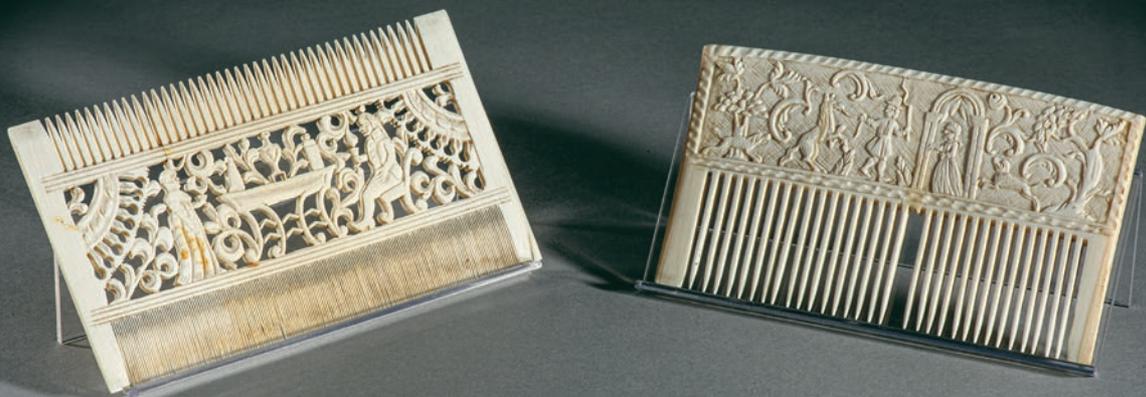
Уж как рыбу мы ловили
По сухим по берегам,
По сухим по берегам —
По амбарам, по клешням.
А у дядюшки Петра
Мы поймали осетра,
Чпо пого ли осетра —
Все гнедого жеребца.
(Фольклорная запись моя. — Ю. Л.).

Ограбленный «дядюшка Петр» вряд ли был угнетателем народа.

Идея порядка, «регулярного государства» вовсе не была внушена Петру I путешествием в Голландию или вычитана у Пуффендорфа — это был вопль земли, которая еще не залечила раны «бунташного века» и одновременно не могла себе представить, во что обойдется ей эта «регулярность».







Гребни. Холмогоры. Архангельская губерния.
Кость, сквозная, рельефная и плоско-рельефная резьба. XVIII в.
© *Русский музей, Санкт-Петербург*

прилеплялись мушки, не было случайным. Например, мушка в углу глаза означала: «Я вами интересуюсь», мушка на верхней губе: «Я хочу целоваться». А поскольку в руках у женщины был веер, движения которого также получали особый смысл (например, резкое закрывание веера означало: «Вы мне не интересны!»), то комбинации мушек и игры веера создавали своеобразный «язык кокетства».

Дамы кокетничали, дамы вели в основном вечерний образ жизни. А вечером, при свечах, требовался яркий макияж, потому что при свечах лица бледнеют (тем более — в Петербурге с его зловредным климатом!). Из-за этого у дам уходило очень много (за год, наверное, с полпуда!) румян, белил и разной другой косметики. Красились очень густо.

В петровский период женщина еще не привыкла много читать, еще не стремилась к разнообразию духовной жизни (конечно, это лишь в массе: в России уже были писательницы). Духовные потребности большинства женщин удовлетворялись еще так же, как в допетровской Руси: церковь,

церковный календарь, посты, молитвы. Разумеется, до конца XVIII столетия, до «эпохи вольтерьянства», в России все были верующими. Это было нормой, и это создавало нравственную традицию в семье.

Однако и семья в начале XVIII века очень быстро подверглась такой же поверхностной европеизации, как и одежда. Женщина стала считать нужным, модным иметь любовника, без этого она как бы «отставала» от времени. Кокетство, балы, танцы, пение — вот женские занятия. Семья, хозяйство, воспитание детей отходили на задний план. Очень быстро в верхах общества устанавливается обычай не кормить детей грудью. Это делают кормилицы. В результате ребенок вырастал почти без матери. (Конечно, это не в провинции и, конечно, не у какой-нибудь бедной помещицы, у которой двенадцать человек детей и тридцать душ крепостных, а у дворянской, чаще всего — петербургской, знати.)

И вдруг произошли быстрые и очень важные перемены. Примерно к 70-м годам XVIII века над Европой пронесется дыхание нового времени. Зарождается романтизм, и, особенно после сочинений Ж.-Ж. Руссо, становится принятым стремиться к природе, к «естественности» нравов и поведения.

Вяния эти проникли и в Россию. В сознание людей последней четверти XVIII века начинает постепенно проникать мысль о том, что добро заложено в природе, что человеческое существо, созданное по образу и подобию Бога, рождено для счастья, для свободы, для красоты. «Неестественные» моды начинают вызывать отрицательное отношение, а идеалом становится «естественность», образцы которой искали в женских фигурах Античности или в «театрализованном» крестьянском быту. Одежды теперь просты: нет уже ни роскошных юбок с фижмами, ни корсетов, ни тяжелой парчи. Женская одежда делается из легкой ткани. Рубашка с очень высокой талией представляется защитникам культа Природы «естественной». Простоту одежды пропагандирует эпоха Французской революции. Павел I тщетно пытался остановить моду: на последний ужин перед тем, как его убили, императрица Мария Федоровна пришла к нему в запрещенном европейском платье: простая рубашка, высокая талия, открытая грудь, открытые плечи — дитя природы. Вечерний туалет императрицы стал первым публичным свидетельством конца Павловской эпохи. Первый жест бунта, как это часто бывало в России XVIII века, был сделан женщиной.

На портретах этой поры мы видим, как новая манера одеваться соединилась с естественностью, простотой движений, живым выражением лица. Так, на портрете М. И. Лопухиной В. Боровиковского отнюдь не случайно фоном вместо привычных тогда бюста императрицы или же пышного архитектурного сооружения стали колосья ржи и васильки. Девушка и природа соотносены в своей естественности.



 Воронихин А. Н. Диван. 1803.
Был создан для великой княгини Марии Павловны.
Метрополитен-музей, США





73. *Mans*



Матэ В. В. Портрет Александра Сергеевича Пушкина.
Бумага, офорт. 1899. Автор живописного оригинала: *Кипренский О. А.*
Собрание Государственного Эрмитажа

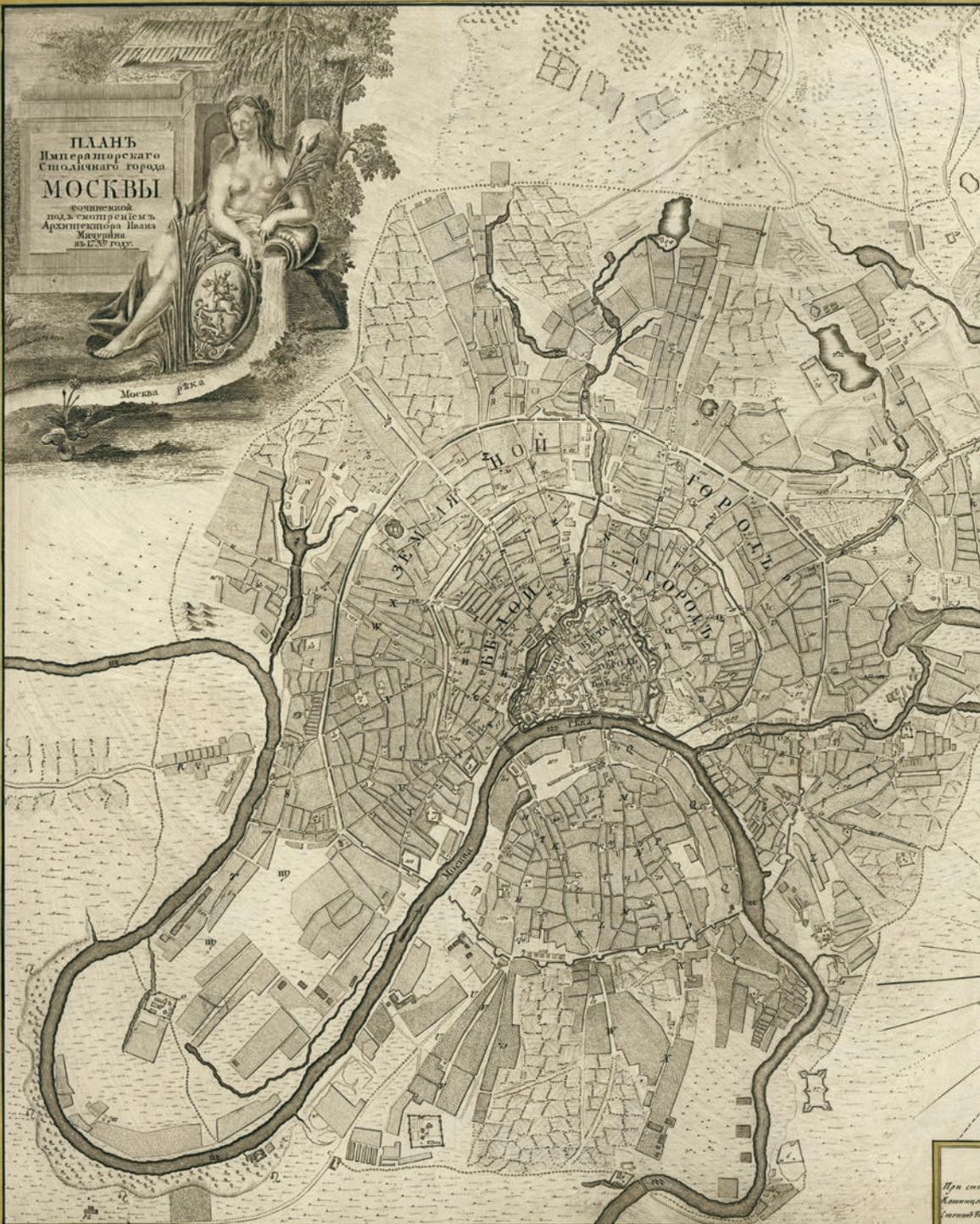
Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. <...> Тотчас после обеда явился землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнь. Владимир обнял их с восторгом...» Весь тон пушкинского изложения воспроизводит книжность и литературно-романтический характер самой ситуации.

Семейные отношения в крепостном быту неотделимы были от отношений помещика и крестьянки. От Карамзина до Гончарова это обязательный фон, вне которого делаются непонятными и отношения мужа и жены.

Одним из проявлений странностей быта этой эпохи были крепостные гаремы. Крепостной гарем не имел корней в допетровских обычаях. И хотя в дальнейшем критики крепостного права склонны были видеть здесь порождение «старинных нравов», крепостной гарем сделался возможным только в результате того уродливого развития крепостничества, которое сложилось в XVIII — начале XIX века. Описание, которое находим, например, в мемуарах Я. М. Неверова, создает характерную и вместе с тем поразительную картину. Крепостные девушки содержатся в гареме, созданном помещиком П. А. Кошкаревым. Девушки поставляются в барский дом из числа крепостных. Здесь их строго изолируют от мужского общества: даже лакеи не допускаются в их половину. Не только в церковь, но и в уборную их сопровождает специально приставленная баба. При этом все девушки обучены чтению и письму, а некоторые французскому языку. Мемуарист, бывший тогда ребенком, вспоминает: «Главною моею учительницею, вероятно, была добрая Настасья, потому что я в особенности помню, что она постоянно привлекала меня к себе рассказами о прочитанных ею книгах и что от нее я впервые услышал стихи Пушкина и со слов ее наизусть выучил „Бахчисарайский фонтан“, и впоследствии я завел у себя целую тетрадь стихотворений Пушкина же и Жуковского. Вообще, девушки все были очень развиты: они были прекрасно одеты и получали — как и мужская прислуга — ежемесячное жалованье и денежные подарки

ПЛАНЪ
Императорскаго
Столицнаго города
МОСКВЫ
возмешной
подъ смотрениемъ
Архитектора Ивана
Жуковскаго
въ 1738 году.

Москва
рѣка



При снѣ
Алешинскаго
Спасаго К





*Эриксен В. Портрет Екатерины II перед зеркалом.
Холст, масло. Между 1762 и 1764
Собрание Государственного Эрмитажа*

что Г<рафиня> В<арвара> много должна, мне сие постороннее»⁶⁶. Неполадки в отношениях с женой, к которым прибавлялось резкое ухудшение в отношениях с императором, вызвали у Суворова шаг, объяснимый только крайней степенью раздражения: в начале 1798 года он обратился к Павлу с просьбой разрешить ему постричься в монастырь.

Домашняя жизнь дворянина XVIII века складывалась как сложное переплетение обычаев, утвержденных народной традицией, религиозных обрядов, философского вольнодумства, западничества, то поверхностного, то трагически влиявшего на разрыв с окружающей действительностью. Этот беспорядок, приобретающий характер идейного и бытового хаоса, имел и положительную сторону. В значительной мере здесь проявлялась молодость культуры, еще не исчерпавшей своих возможностей.

183

Русский дендизм

Слово «денди» (и производное от него — «дендизм») с трудом переводится на русский язык. Вернее, слово это не только передается несколькими, по смыслу противоположными, русскими словами, но и определяет, по крайней мере в русской традиции, весьма различные общественные явления.

Зародившись в Англии, дендизм включал в себя национальное противопоставление французским модам, вызывавшим в конце XVIII века бурное возмущение английских патриотов. Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» описывал, как во время его (и его русских приятелей) прогулок по Лондону толпа мальчишек забросала грязью человека, одетого по французской моде. В противоположность французской «утонченности» одежды английская мода канонизировала фрак, до этого бывший лишь одеждой для верховой езды. «Грубый» и спортивный, он воспринимался как национально английский. Французская предреволюционная мода культивировала изящество и изысканность, — английская допускала экстравагантность и в качестве высшей ценности выдвигала





Зичи М. А. Портрет императора Николая I.
Бумага, акварель, графитный карандаш, белила. 1868
Собрание Государственного Эрмитажа.

Мгновенно сходяш пяпна гнева,
Жар любоспраспия бежип.

Дружипся праведной побою
Людей недружная судбба:
Ласкаешь пою же рукою
Ты власпелина и раба.

Недоуменбе, принужденбе –
Условбе смупных наших дней,
Ты всех загадок разрешенбе,
Ты разрешенбе всех цепей¹⁷⁴.

Пушкин, с легкой иронией пародируя романтический культ смерти, предлагал Дельвигу, при посылке ему черепа одного из его предков, на выбор:

Изделбе гроба преврапи
В увеселипельную чашу,
Вином кипящим освяпи
Да заедай уху да кашу
Или как Гамлет-Баратынской
<...> Над ним задумчиво мечпай.
(III (1), 72)

Лицо эпохи отразилось и в образе смерти*. Смерть давала свободу. Смерть искали в Кавказской войне, казавшейся бесконечной, и на ду-

* История концепций смерти в русской культуре не имеет целостного освещения. Для сравнения с западноевропейской концепцией можно порекомендовать читателю книгу: Vovel Michel. La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. <Paris>, Gallimard, 1983.

15. Die wozu, Kehr wozu. 40



u rahn murr

Часть претвья «Птенцы гнезда Петрова»

X

VIII век в истории русской культуры начинается Петровской эпохой. Лев Толстой в письме А. А. Толстой утверждал, что, «распутывая поток» исторических событий, он нашел именно в этой эпохе «начало всего».

На оценках петровского периода скрещивались шпаги всех, кто размышлял о судьбах русской истории. Спектр оценок развертывался во времени от языковских строк:

Железной волею Петра
Преображенная Россия, –

взятых Пушкиным в качестве эпитафии к роману «Арап Петра Великого», до утверждения, что Петровская реформа скользнула по поверхности русской жизни и затерялась в финских лесах и болотах (Д. С. Мережковский).

Вхождение в сущность этого спора увело бы нас от нашей темы. Мы прикоснемся к ней лишь с одной стороны — показав судьбы двух людей этой эпохи. Причем, в соответствии с задачей нашей книги, мы не изберем так называемых великих людей, а рассмотрим дюжинные, типичные характеры. Наши герои можно будет назвать «простыми людьми» дворянского мира этой эпохи. Однако «типичность» их проявится, в частности, в том, что это будут люди деятельные, а не безликие, плывущие по течению. Эпоха рождала деятельного человека. Но эта же эпоха заставляла его оценивать свою деятельность.

Иван Иванович Неплюев — апологет реформы

Род Неплюевых, известный уже в XV веке, происходил от боярина Андрея Ивановича Кобылы (середина XIV века), но к концу XVII века измельчал, обеднел, хотя и сохранил родственные связи со многими преуспевающими вельможами. Иван Неплюев, который будет предметом нашего внимания, родился, как это следует из его собственной обширной автобиографии (на нее мы будем в дальнейшем опираться), «в 1693-м году, ноября 5-го числа, в воскресенье поутру, по полуночи в 7 часов, в Новгородском уезде, в усадище Наволоке»¹⁷⁵. Сам Иван Иванович Неплюев вряд ли мог запомнить час своего рождения. Но в этой записи отразился его характер — точный, расположенный к документам, фактам, а не к переживаниям.

Неплюев принадлежал к старинному дворянскому роду, происходившему от Федора Ивановича Неплюя-Кобылина, жившего в начале XV века. Неплюевы были новгородского происхождения (сама фамилия их указывает на северные области России: «неплюй», по указанию Даля, — олений теленок до полугода). Род их упоминается в московских летописях XVII века — род крепкий, но обедневший. Мать Неплюева была из князей Мышецких — тоже из рода старинного и обедневшего. Отец Неплюева был ранен в батальи со шведами под Нарвой и вскоре умер, оставив жену и малолетнего сына. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, казалось бы, должна была пойти по обычной для небогатого дворянина стезе: шестнадцати лет он женился по приказу матери и стал самостоятельным помещиком, имея 80 душ крепостных крестьян. Жена его, урожденная Татищева, внесла в семью 20 душ крепостных. Молодой Неплюев вскоре стал отцом одного, потом второго сына (этот ребенок родился во время его паломничества по монастырям). Все развивалось по традиции. Неожиданный перелом наступил, когда молодого, но уже не школьного возраста человека и отца двух детей вызвали «для учения». Его назначают в Новгородскую математическую школу. Оттуда — в Нарвскую навигационную, а затем в Петербургскую морскую академию. В 1716 году два десятка молодых людей из числа учившихся были вызваны в Ревель (Таллинн*), и Неплюев, оставив — на этот раз надолго — беременную жену, с группой молодых людей, среди которых были Василий Квашнин-Самарин, Василий Татищев (в будущем известный моряк и дальний родственник историка Татищева), Семен Дубровский, Семен Мордвинов, поднялся на борт корабля «Архангел Михаил» под командованием капитана-англичанина Рю. В составе большого флота они прибыли в Копенгаген, причем на последнем участке на флагманский корабль взошел Петр и был поднят императорский флаг. 28 августа Петр осмотрел всех гардемарин

* Современное написание — Таллин. — Прим. ред.



Суриков В. И. Вид памятника Петру I
на Сенатской площади в Петербурге.
Холст, масло. 1870

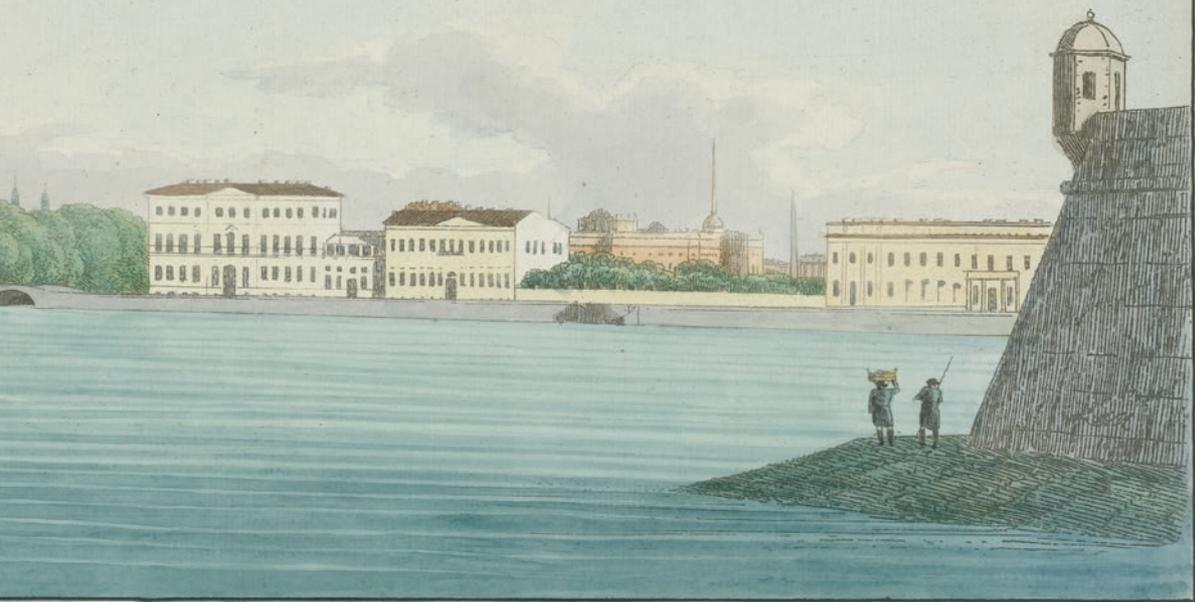
© Русский музей, Санкт-Петербург



La Rivo du grand quai, le long du jardin d'...

и тридцать из них, в том числе и Неплюева, направил в Венецию обучаться морскому делу (двадцать человек с той же целью были отправлены во Францию, а четверо предназначены к обучению архитектурному делу). Деньги на дорогу им были даны по приказу царя послом в Дании князем Василием Лукичом Долгоруким. Это тот самый Василий Лукич Долгорукий, который потом сыграет активную роль в «затейке» верховников и которого Анна Иоанновна со своим своеобразным остроумием публично протащит за нос, а несколько лет спустя отрубит ему голову.

Получив высочайшее распоряжение, молодые люди, еще недавно и в мыслях не предполагавшие, что им предстоит такое путешествие, отправились в Венецию. Прежде чем они ступили на палубы венецианских кораблей, им довелось пережить много неожиданных приключений.



Vue, jus qu'aux Bâtimens du Palais de Marble. Seconde Vue.



Мартынов А. Е. Вид набережной Невы вдоль Летнего сада до строений Мраморного дворца. Бумага, гравюра офорт, акварель. 1817
Собрание Государственного Эрмитажа

По пути в Венецию один из молодых людей умер. Но главные потрясения ждали их в Венеции. 10 января 1718 года князь Михаил Прозоровский*, сговорившись с монахом из монастыря Святого Павла на Афоне,

* Он приходился родственником тому московскому главнокомандующему, князю А. А. Прозоровскому, который позже с жестокостью преследовал Н. Новикова и москов-

Две женщины

Д. Фонвизин включил в рукописный журнал «Друг честных людей, или Стародум» (не опубликованный при его жизни)²⁴⁶ вызвавший восторг Пушкина «Разговор у княгини Халдиной». В нем Пушкин увидел не столько сатиру, сколько правдивое бытописание — живую картину нравов XVIII века.

«Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову „ты“, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную* . „Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?“ — „Да ведь стыдно, В<аше> С<иятельство>“, — отвечает служанка. — „Глупа, радость“, — возражает княгиня». «Все это, вероятно, было списано с натуры», — замечает Пушкин (XI, 96).

Отрывок Фонвизина — действительно яркая картина нравов «модного общества модного века». И княгиня Халдина, и Сорванцов — люди одного круга. Контраст им представляет Здравомысл, но образ резонера лишил Фонвизина возможности создать объемное противопоставление, и поэтому, хотя нарисованная Фонвизиним картина, как отмечал Пушкин, обладает документальной точностью, нам выгоднее, в данном случае, опереться на подлинные документы.

Как часто случается, талант писателя сыграл здесь двоякую роль. Фонвизин выпукло обрисовал характеры людей, воплощающих одну — «модную» — сторону жизни общества. Но история постоянно создает мифы о себе самой, и ярко запечатленная черта эпохи становится для потомства образом этой эпохи в целом. Когда век Просвещения сменился романтизмом, дети создали сатирический миф об отцах:

Разврап, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной...
Но эпа важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обвешшала слава

* Уборная — комната для переодевания из утренних туалетов в дневное платье, а также для причесывания и совершения макияжа. Типовая мебель уборной состояла из зеркала, туалетного столика и кресел для хозяйки и гостей.

Универсальное средство
для лечения
всех болезней
всего тела

и для укрепления
всего тела
и для лечения
всех болезней

№ 1. Кашля, Хрипоты, и других
болезней горла

и для лечения
всех болезней
всего тела

и для лечения
всех болезней
всего тела
и для укрепления
всего тела
и для лечения
всех болезней

49.

Всего

